

18+

Валентина Серафимовна
Мясникова

Мои закаты и рассветы

Валентина Мясникова

Мои закаты и рассветы

«Издательские решения»

Мясникова В. С.

Мои закаты и рассветы / В. С. Мясникова — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-555387-4

Истории и персонажи выдуманы и не имеют никаких реальных прототипов, все совпадения случайны. Мой главный критик — Третьякова Дарья.

ISBN 978-5-00-555387-4

© Мясникова В. С.
© Издательские решения

Содержание

Обними меня	7
Наш изумрудный юбилей	8
Здесь отчий дом...	9
Заводь	10
Галине	12
Кровит душевна рана	13
Заболела, моя ты душа...	15
Остановись на миг, мгновенье	16
Отрок (в новой редакции)	17
У пруда	18
Мне бы лучик солнца	19
Меня прости	20
А время раны зарубцует	21
Нам, апрель, не до смеха...	22
Твоя красота	23
Мать	24
Гусевы	25
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Мои закаты и рассветы

Валентина Серафимовна Мясникова

© Валентина Серафимовна Мясникова, 2021

ISBN 978-5-0055-5387-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Валентина Серафимовна Мясникова

Истории и персонажи выдуманы и не имеют никаких реальных прототипов, все совпадения случайны

Обними меня

Обними меня покрепче, как в последний раз,
В жизни время скоротечно, раз и нету нас.
Видишь, к нам в окошко бьётся птица свиристель,
Вьюга с песней колыбельной двери рвёт с петель.

Холодят нам руки, ноги мнимо сквозняки.
Топишь взгляд в себя потухший, как и я с тоски.
Решетом дырявым у обоих голова,
Забываются в ней даты, мыслей кружева.

Уносили ветры вереницу наших дней,
В круговерти этой были преданы семье.
Оглянуться не успели, стали старики,
Не копи в глазах слезинки, так не по-мужски.

С возрастом душа ранима, держим всё в себе,
Вытри соль из глаз тоскливых, улыбнись судьбе.
Я держусь, сколь хватит силы, в каждом новом дне.
Я тащу воз не по силам – боль в тебе, во мне.

В синеоки дали нам терновая стезя...
Довела судьба до грани, повернуть нельзя...
Мы уйдём, как все уходят, тихо в мир иной.
Если врозь, разрыв недолгий меж тобой и мной.

Обними меня покрепче, загадаем враз,
Пусть две тысячи двадцатый не разлучит нас.
Этот праздник Новогодний радостен вдвойне,
В изумрудной нашей свадьбе быть тебе и мне.

(10.12.2019 г.)

Наш изумрудный юбилей

Загуляли снежные метели,
Вишни забуранило в саду.
Изумрудный юбилей у цели,
Нам полсотни пять в Новом году.

Мы с тобой в две тысячи двадцатый
Робкие отмеряли шаги.
С юных лет, как встретились, с той даты
Стали одним целым я и ты.

Карусель времён не остановишь.
Шаркающим шагом к нам извне
Старость, с коей много не поспоришь,
Выбора не даст тебе и мне.

Возраст – это цифра в подсознании,
Стоит ли об этом горевать.
Что сулят нам звёзды в мироздании,
На пути своём не миновать.

Слава Богу, прожит день вчерашний,
Нечего загадывать вперёд...
Нет здоровья, выглядим неважно,
Думаем нас лихо обойдёт.

Человек не вечен, и однажды
То во что не верится придёт...
Белая берёзка станет стражем,
Ветер в кронах «Реквием» споёт.

(06.12.2019 г.)

Здесь отчий дом...

Мой отчий дом, родимый край с поющей звонницей...
И я, растрогавшись, у храма вдруг расплакалась.
Ох, сколько лет здесь не была, а боль в грудь ломится,
Где в сердце раны глубоки... внахлест залатаны.

В кустах боярышника трели соловьиные,
Что за околицей вдоль поля кучерявятся.
В кудель свиваются пушинки тополиные,
С той нитью прошлое репьем к ногам цепляется.

А у калитки чистотел янтарной россыпью
В рассветах дымчатых росой умывается.
Лишь ветер по нему пройдет лёгкой поступью
К крылечку дома, где мечты в пыль одеваются.

Тут куст калиновый скребёт в забиты ставенки,
Чтобы кукушка не считала годы попусту.
В овине брошенном выют гнёзда птицы-странники,
К родным местам привыкли возвращаться попросту.

Обводит вечер горизонт закатной линией,
Васильки в незрелой ниве ржи попрятались.
Года несёт река под песни лебединые,
Где над водой, склоняясь низко, ивы плакали.

Колдунья ночь наворожила мне бессонницу,
Разворошили тишину коты бездомные.
Уж с глаз долой луна за рощею хоронится,
Иду я к матушке, к отцу под кроны сонные.

Ныряют иволги в кустарники кленовые,
Летит в лазурь небес их трель звонкоголосая...
А на погосте ствол берёз глядит в безмолвие,
Оттуда в мир земной приходит гость – «курносая».

(09.04.2019 г.)

Заводь

1

В небе звёзды алмазной россыпью, отражаясь в воде речной,
Замерцали у ног Ундины, красоты что была неземной.
Её локоны русым каскадом обтекают девичью грудь.
Рыбий хвост в чешуе сапфировой с переливами в перламутр.

Нежно арфу прижала к плечу, струн касаясь едва рукой,
Полилась мелодия дивная этой ночью колдовской,
Бледнолики русалки на берег выплывают из чёрных вод,
Владея магической силою, в людей обратилась их плоть.

На зелёном лугу хороводят, качаются в кронах раки,
На развилках дороги бродят, тусклый взгляд их коварство таит.
Чаруя божественным голосом, манят путников в топь болот.
Зашекочат до смерти, замучают, утянут в водоворот...

2

У затона, костра рыбацкого окрылён мечтою Степан...
Вдруг девица к нему сладкогласная, ласкаясь, припала к губам.
Наготой своей соблазнительной и взглядом чарующих глаз,
Лишив его воли, рассудка, погрузила в любовный экстаз.

У Степана сердечко ёкнуло с того, что случилось потом...
Эта дева под хохот филина в воду канула словно фантом.
Привлекала его «галактика», в чудеса не верил вообще,
Прикорнул чуток, невозможное приключилось с ним в шалаше.

Лунный диск к горизонту катится, где светлеет небесный фетр,
Ветер с речки туман сиреневый раздувает под птичий оркестр.
Глядь, в ногах гребешок валяется, необычной резьбой привлёк,
«Для Алёнки возьму, вдруг понравится», – мелькнула мысль
у него.

Подивился улову в мордужке, где сазаны, лещи, карась.
Рыба весит почти полпуда, рад рыбалке, в сей раз удалась.
Уходя восвояси отсюда, взглядом заводь обвёл окрест,
На душе стало мутно с чувства, будто что-то забыл он здесь.

3

Дома места себе не находит, к Алёнке душой охладел...
Лебеда выросла в огороде, с тоски просто жить не хотел.
Вдруг под окнами голос певучий, заходится лаем Дружок.
Девица в окошко стучится, просит Стёпу вернуть гребешок.

К ней выйти боится с чего-то, и ту просьбу её пренебрёг,

Пуще прежнего сердце томится, трепещется как мотылёк...
Тянет к заводи словно арканом судьба, что дана на роду,
Поспешая туда, он кому-то покорно ответил: «Иду...»

Гладь речная в мерцающих звёздах, лунный свет серебрит волну,
Дева взглядом чарует Степана, он за нею пошёл ко дну,
В ощущении лёгкости, неги сделал выдох последний раз.
Воды лижут замкнуты веки, где к русалке чуть теплится страсть.

(08.05.2020 г.)

Галине

Здравствуй, Галина, сестричка родная!
Здравствуй на многие годы вперёд.
Пусть твоё сердце печали не знает,
Бог оградит от излишних невзгод.

Видеть тебя я несказанно рада,
Фото на память твоё сберегу.
Пусть седина с плеч спадает каскадом,
Лишь бы души не коснулся недуг.

Пусть синь в глазах с огонёчком лукавым
Светит по жизни сколь нам суждено.
Милой сестричке, что в платице алом,
Несть доброту, нежность небом дано.

(30.03.2019 г.)

Кровит душевна рана

Особая больничная палата,
Как страж зелёный тополь под окном.
Здесь мечется старушка в муках ада,
Ей плачется в подушку об одном,

Что деточки, кровиночки родные,
У коих вместо сердца, зная, «кремень»,
Про мать они свою как позабыли,
На длани телефон как «глух и нем».

Что ждёт их, только, видно, не дождётся.
Ей с ними всё бы легче боль терпеть.
От слёз душа комком внутри сожмётся
Да так, что призывает скору смерть.

Поступок с ней был в корне неожидан,
Ей верилось в бездушие с трудом.
Горчила как оскомина обида
За то, что сдали в ветеранский дом.

На звук шагов за дверью всполохнётся...
Ведь мать, есть мать, прощать её удел.
Ей в тело, будто сотни стрел, вопьётся,
От боли сникнет в мятую постель.

Тоскливый взгляд её блуждал по кроне...
Манило в поднебесную юдоль.
Муж ветеран войны давно схоронен,
К нему простёрла старческу ладонь.

И, стиснув рот беззубый в тихом стане,
Вновь ищет в своём сотовом контакт...
К сыночкам тем – Максиму, Юре, Коле,
До дочери Наташи и назад...

Но, как всегда, сеть в недоступной зоне,
Иль занят в это время абонент.
Не едут к ней в больницу и не звонят,
Хотя она лежачий пациент.

Не верила, что в доме ветеранов
Свой век закончить Богом суждено.
И изнутри кровит душевна рана,
По капле жизнь уходит, всё одно.

С больничной породнилася палатой,
Где ей в затылок дышит смрадом смерть.
По ней никто не станет горько плакать.
Её живой-то некому жалеть.

(02.06.2020 г.)

Заболела, моя ты душа...

Заболела, моя ты душа,
Расхворалась.
Жить да жить бы себе не спеша
Сколь осталось.

Только ветры сквозные по мне
Злобно ропщут,
Чтоб сжигала себя в кутерьме,
Этак проще.

Пепел камнем слежался внутри,
Свечкой таю.
Алчным взглядом глядят упыри,
Как страдаю.

Не дождутся кончины моей
Днём и ночью.
Я горела, чтоб было светлей,
Не то стопчут.

Заболела, моя ты душа,
Расхворалась.
Ты во мне перестала дышать,
В путь собралась.

(19.03.2019 г.)

Остановись на миг, мгновенье

Её глаза лазурью плещут,
В них мироздания глубина.
Каскад волос волной за плечи.
Она желанна как весна.

Кротка, как Божие создание,
Являлась муза по ночам...
Он ей в стихах писал признание:
«Таких ещё я не встречал».

Он, образ тот в мечтах рисуя,
Разжёл в себе любви огонь,
Моля: «Где ж мне найти такую,
Чтоб до конца ладонь в ладонь...»

И в полудённом зное лета
Под звон стрекочущих цикад
Влюблённость страстного поэта
Взлетела к пёстрым облакам...

Любовь пришла, что и не снилась,
Их в рощи белые маня.
Сердечко в стуче заходило
Под щебетанье соловья.

Тропинка вьётся меж деревьев
К осколкам кошенных лугов...
Остановись на миг, мгновенье,
У свежо смётанных стогов.

Медовый запах рапса с поля
Поил их сладостью любви.
Их трепет тел с привкусом соли
Небесный свет благословил.

(13.03.2019 г.)

Отрок (в новой редакции)

За далёкими синими далями
В старом замке свечей тусклый свет.
Там ночами холодными лунными
Бродит призрак отроческих лет.

С плеч спадают волнистые локоны,
Он красив, благороден собой.
Взгляд печален как сумерки осени.
Звуки арфы тревожат покой.

Её струны вибрируют в воздухе
От касания девичьих рук.
Нестерпимая боль в её облике
От потери любимого вдруг.

В её душу, где верность хранимая,
Лунный свет вожденье вдохнул.
Призрак отрока тенью незримою
Стан девичий в объятьях сомкнул.

В замке льётся мелодия нежная,
В сладкой неге ей чудится рай.
Он внушал поспешить неизбежное...
Выпить яду с вином через край.

В никуда вслед за ним опрометчиво
Преступила черту, а за ней
Была с отроком смертью повенчана
В старом замке под крики сычей.

Здесь в разгаре обед в полнолуние,
В канделябрах свечей тусклый свет.
Обрученные тьмой души юные
Неразлучны в созвездьи планет.

В старый замок за синими далями
Заглянул лучезарный рассвет,
В струнах арфы прошёлся октавами,
В них печаль заструилась в ответ.

(22.02.2020 г.)

У пруда

Средь берёз, что у пруда, домик в три окошка,
В кронах малахитовых пичужки свиристят.
Травушкой муравушкой выстлана дорожка
От крыльца до озера, где тишь да благодать.

Пацаны ныряют в пруд, вытянув ладошки,
И плывут по-лягушачьи наперегонки.
Шум некстати рыбаку, вытащил мордушки,
В них штук десять карасей, и то одни мальки.

Ветер во поле прошёлся волнами хлеба,
На задах ворошит сено в сметанных стогах,
Гнул стволы берёз кудрявых тех, что у пруда,
Как пастух овечье стадо, скучил облака.

Словно айсберги плывут тучи в поднебесье,
Дождь прошлёпал по земле и в одночасье стих.
Свежесть в окна ворвалась с соловьиной песней,
За столом семья судачит о делах мирских.

Мать из печи достаёт шанежки с картошкой,
К ним оттопленного с пенкой крынку молока,
Борщ наваристый мясной разливает плоской
По тарелкам суповым с каёмкой в васильках.

Солнце клонится к закату, озаряя путь,
Вечер с комариным писком как прилип к окну,
Контур месяца рогатый окунулся в пруд,
В редколесье совушка кому-то вторит «сплю».

(21.03.2021 г.)

Мне бы лучик солнца

Не береги ты душу, вьюга белая,
Туманишь взгляд мой песней заунывною,
Всё реже мне с весною вдохновение,
Всё чаще с бабьим летом, стужей зимнею.

А мне бы первоцветом сердце радовать,
Что россыпью сиреневой в проталинках,
А я опять о снеге рифмы складывать,
Который ветер смёл к моим завалинкам.

Кустарник вербы в почках перламутровый,
Как свечки в Благовещенье Господнее.
Вернулись с юга птицы с настом утренним
В апрельские объятия холодные.

Тоска внутри знобит, то жжёт крапивою,
Уймись ветры выть, как псы бездомные.
Мне б лучик солнца, кровь согреть остывшую,
Чтоб мысли растворились потаённые.

То снег, то дождь дорожкой мокрой по стеклу,
А я опять о снеге рифмы складывать,
Мне в семьдесят четвёртую свою весну
Нечем стало душу в жизни радовать.

(01.04.2021 г.)

Меня прости

«Не вернусь», – сказала ты мне, уходя.
Мы не стали вместе счастливы с тобой.
Разве то, что было с нами – не любя...?
Ты как фурия была всегда со мной.

Разве тесно нам обоим под луной?
Ведь с тобою стали ближе, чем друзья.
Твой характер проявился грубый, злой,
Не могу поверить просто в это я.

Если в том моя вина, меня прости,
Не пали меня словами как огнём.
Не смогу тебя из сердца отпустить,
Потому что без ума в тебя влюблён.

Ты ушла в дожди, осенний листопад...
С корнем выдрав моё сердце из груди.
Без любви твоей в душе творится ад,
Я прошу тебя, вернись, не уходи.

Чтоб не чувствовать душевной пустоты...
Не копилась чтоб в глазах обиды соль.
Мне хотелось закричать до хрипоты,
Чтоб унять разлуки колющую боль.

(11.10.2013 г.)

А время раны зарубцует

Унёсся крик души в безмолвье расстояния.
Надежды лучик гаснет в эту ночь бессонную.
Клянёшь превратности судьбы из мироздания,
За ту любовь как подаяние притворную.

Не рви на части своё сердце с одиночества,
Не шли проклятья сгоряча, тебе ж аукнется.
Ты не ищи во снах тревожных знак пророчества,
Чему тут быть, не миновать, довольно мучиться.

Пусть внутри тебя взрывной вулкан остудится,
Он сердце пеплом испещрит, ведя к беспечности.
А время раны зарубцует, боль притупится.
Уйдут в туманные нирваны злободневности...

(08.08.2018 г.)

Нам, апрель, не до смеха...

Нам, апрель, не до смеха – это траура дни,
От пожарища пепел, свеч не тухнут огни...
Кто ж для этих людей роковой выслал путь?
Вправо-влево из пекла того не шагнуть.

Видно, Бог, ты не ведал, что грядёт впереди,
Ты на смерть ангелочков с высоты погляди.
Аль не слышал мольбы: «Бо-же-нь-ка, по-мо-ги-и...»
Люди верили в чудо до конца, вопреки.

Знать, кому-то на руку сей фатальный исход...
Почему в «передрягах» виноватый народ?
Паутину плетут жирные пауки,
Почему не господ, люд простой жгут враги?

(01.04.2018 г.)

Твоя красота

Летающей походкой своей затмеваешь мне свет,
Так только летают в ком совесть пред Богом чиста.
Морозом по коже твой шёпот на ушко «При-вет...»,
Пьянит как вино неземная твоя красота.

В очах твоих карих от счастья и радости свет,
Пусть годы летят, для меня ты всё так же чиста.
Ведь многое значит короткое слово «Привет...»,
В звучаньи которого нежность, души красота.

Пусть с белой метелью весна к нам примчалась чуть свет,
Земля лишь от этого стала хрустальна, чиста.
Нам скворушки шлют с поднебесья «весенний привет».
Пусть мир окружает любовь, доброта, красота.

(22.03.2018 г.)

Мать

Долгожданный на свет появился малыш.
Ты пестуешь малютку, ночами не спишь.
С умилением смотришь, как гулькает сладко.
Где мать черпает силу – вот это загадка.

Крепким, сильным растёт маме в радость малыш.
Стали взрослыми сын или дочь, вновь не спишь,
От ошибок в их жизни живётся не сладко.
Где мать черпает силу – вот это загадка.

Перед мамой старушкой на фото малыш,
Пока вырастишь их – недоешь, недоспишь...
В сердце ёкнула боль – ей ни горько, ни сладко...
Что скопилось в душе материнской – загадка.

(24.03.2018 г.)

Гусевы

1

В годы перестройки многих сократили на работе – люди лишние вдруг стали, сокращение не обошло стороной и многодетную семью Зиновия Гусева, в которой, как говорится, «где тонко, там и рвётся». Сельские подались на заработки в город, из-за чего немало семей распалось в то время. Зиновий куда ни придёт, везде отказ, и ему, так же, как и его жене Эльвире, пришлось встать на учёт по безработице. Только на ту подачку «абы не сдохнуть», много не разживёшься, детей учить надо, за квартиру платить нечем. После двух лет скитаний в поиске работы ему наконец-то повезло, и он устроился в городе при конторе сторожем, куда никто не шёл из-за низкой зарплаты. Но он и этому был рад, так как она была выше той, что ему платили по безработице. Закрытое производство в сельской местности тут же пустили в оборот предприимчивые люди, набивая свои карманы за счёт дармовой рабочей силы тех, кому некуда было сунуться, чтоб выжить. В это трудное время Гусевых сильно выручала кормилица Бурёнка. Они отказывали себе во всём, лишь бы сэкономить деньги, чтоб купить сено для неё на зиму, но вскоре и её лишились, так как с чьей-то лёгкой руки перепахали ближние выпаса, и Эльвире стало трудно встречать и провожать её за километр от дома. Худо ли, бедно ли одна дочь окончила институт, другая техникум. Гусевы были уверены, что им-то с образованием намного легче будет найти работу в городе, и вдруг новость «как обухом по голове» специальность дочерей оказалась невостребованной на рынке труда, так что их диплом пошёл коту под хвост. А младший сын их Валерий, не стремясь к высшему образованию, окончил училище механизаторов, и уже готов был стать солдатом, но на врачебной комиссии неожиданно нашли у него гипертонию, из-за чего впоследствии выдали ему на руки военный билет. Он вслед за отцом тоже подался в город, где, хоть с большим трудом, но всё-таки устроился слесарем в депо.

Незаметно пролетел год с той поры, как Валерий стал приносить свою зарплату, которую с юношеской гордостью тут же вкладывал в их семейный бюджет. Жить, да радоваться бы родителям, только заметили они, что в последнее время он зачастил на соседнюю улицу, откуда домой возвращался пьяным. Не выдержав этого, мать сделала ему замечание, и тут из сына полилось... что родители его не такие как у других, что в их семье редко бывают праздники, вечно денег не хватает, вот у родителей его девушки, так там всегда весело... Ну, она возьми, да спроси его: «А кто твоя девушка-то? И он заносчиво ответил: «Моя девушка – дочь учительницы Нины Алексеевны». Эльвира, Зная эту семью, ничего худого про них сказать не могла. Даже в такое трудное время для всех они не бедствовали как другие, в их доме часто собирались гости – это коллеги по школе и их многочисленные родственники, которые тоже не из бедных, а мать Нины Алексеевны так и вовсе «ведунья», которая по слухам умела делать многое. Эльвира заикнулась было, что девушка эта ему не пара, но он её и слушать не захотел.

Как ни странно, но вскоре после этого разговора с сыном Эльвира заметила, что её стало преследовать наваждение – чёрный кот. Он возникал ниоткуда, когда рядом с ней никого не было. Однажды ночью она проснулась от затруднённого дыхания, увидев на своей груди кота, она, в испуге крикнув ему «брысь», вдруг поперхнулась своей слюной. Корчась на кровати от удушливого кашля, мимолётно заметила, как кот, пробуравив её злыми глазищами, исчез в сумраке комнаты. После этого случая ей было жутковато оставаться одной, но делать было нечего, что мужу, что сыну невольно приходилось работать посменно вдали от дома, чтобы хоть как-то поправить их семейный бюджет.

А в конце июля этого же года к Гусевым неожиданно явилась мать этой девушки Нина Алексеевна и затеяла разговор о свадьбе, которую, как оказалось, они уже сами назначили на август месяц, то есть через неделю. Эльвира с мужем были в шоке, что их родной сын,

подавая заявление в ЗАГС, не потрудился сообщить своим родителям о готовящейся свадьбе. Очень странно выглядело и то, что мать невесты в спешке сама собрала свадьбу дочери, не считаясь с мнением со стороны жениха, у которого в деревне при смерти лежала бабушка. А их сын Валера и вовсе переселился в дом учительницы, продолжая пить самогон, который, подворовывая у своих родителей, услужливо подливал ему брат невесты Толя. Видя, как спаивают их сына, они ничего не могли сделать, так как Валерий принимал на штыки каждое сказанное ими слово.

Свадьба состоялась в день смерти матери Зиновия, и семье Гусевых пришлось выбирать, ехать им на похороны, или быть на свадьбе. Никого со стороны невесты не интересовало что в семье жениха большое горе.

В день бракосочетания молодых родственники невесты оттёрли в сторону родных жениха, в том числе и мать с отцом, считая, видимо, что их пожелание молодожёнам здесь было совершенно необязательным. В самый разгар веселья к Эльвире подошла сестра Нины Алексеевны и бесцеремонно заявила: «Молодые немного поживут вместе, а потом мы их разведём». Эльвира глядя недоумённо на тётю Инны говорит: «А зачем свадьбу-то затеяли такую громкую, всю школу собрали?» Вдруг она заметила у невесты животик. «Так вон оно что... – подумала Эльвира, – решили грех скрыть от людей, конечно, у кого угодно может это произойти, только не у учительницы с большим стажем в школе, ведь она являлась примером для других». Проводив взгляд Эльвиры на живот Инны, тётя её сказала: «Не о таком муже для племянницы я мечтала...» – и ушла, поставив Эльвиру в неловкое положение. У Эльвиры было такое чувство, словно её сейчас при всех помоями облили. Не подавая вида, она старалась с улыбкой проглотить обидный ком, застрявший в горле, думая: Значит, всем родственникам Нины Алексеевны было известно про эту комедию, что «эта свадьба задумана не из благих намерений, а для отвода глаз». Ей было больно смотреть на сына, который крутился возле родственников невесты, он даже не подозревал, какой сюрприз приготовили ему на будущее родители Инны, не думая о ребёнке, который скоро появиться на белый свет.

2

После свадьбы молодожёнам сразу было запланировано заселиться в старый, но крепкий ещё домик бабушки Инны, а ей взамен этого дома выделили уютную спальню в квартире Нины Алексеевны. Её старая мать нуждалась в особом обиходе, так как с неких пор её стало мучить не только сильное головокружение, но ещё ко всему этому перестали слушаться ноги, и она большую часть времени проводила в своей постели. Инна с Валерием были не против такой перестановки. Их вполне устраивала самостоятельная жизнь в бабушкином доме, где в скором времени появилась на свет внучка Олеся.

Эльвира, если б не знала всей правды от сестры Нины Алексеевны, то на первый взгляд подумала, что у молодой семьи год за годом жизнь складывается лучше некуда. Она не винила Инну в том каверзном замысле её родственников, веря в то, что произошедшее между нею и её сыном до свадьбы было любовно, поэтому никогда не вмешивалась в их отношения. Валерий с Инной тоже не баловали Гусевых своим посещением, возможно на это была своя причина. Зиновия с женой всё больше беспокоило пристрастие сына к алкоголю, которое словно болото всё глубже затягивало его на дно. За то, что они, переживая за него, просили остановиться пока не поздно, нарывались на грубость, Валерия лишь раздражали нотации родителей и больше ничего.

Тёща, та наоборот почти не выходила от них. Она, обвиняя зятя в пьянстве, настырно лезла на скандал в их доме, хотя вероятней всего сама же к этому ручки-то свои приложила с помощью своей матери ведуньи, которая вот уже как год мучается от невыносимой боли. Потому, как вставая с кровати, чтоб сходить по маленькому на ведёрко, упала с неё и повредила себе бедро, которое сколь бы не лечили, а оно не давало покоя и всё тут. Она денно и нощно просила скорой смерти, а та будто нарочно обходила её стороной.

Хотя Нина Алексеевна при встрече с семьёй Гусевых никогда не здоровалась, пройдёт мимо, будто не видит, Эльвира близко к сердцу это не принимала, думая про неё, здороваюсь, не здороваюсь, ничего от этого не изменится. У неё просто в голове не укладывалось то, что когда сваты спаивали их сына, не думали о своём Анатолии, ведь тот, когда услужливо подливал Валерию их самогон, сам о себе не забывал тоже. А теперь очерняя Валерия старалась скрыть ото всех, что её сын-то Анатолий запил похлеще, чем нелюбимый зять да ещё ко всему этому лишился работы. Так же, словно в солидарность сыну, в пьянку ударился и её муж. Как говорит старая поговорка: «шила в мешке не утаишь», Эльвира, увидев лилового от запоя Анатолия, вернулась мыслями во время четырёхлетней давности, где вспомнила с содроганием, как спаивали её сына и себя униженную на свадьбе сестрой Нины Алексеевны, тут ей вновь пришла на ум поговорка – «Не желай никому зла, и оно тебе не аукнется».

Как-то после ночной смены Валерий заглянул к отцу с матерью, Эльвира как раз из духовки доставала испеченный пирог с рыбой, воскликнув, «ох как я соскучился мам по твоей стряпне», уселся за стол. Уписывая его за обе щеки, он одновременно рассказывает ей, как его жена вместе с близкими родственниками уехала в церковь, а ему всегда неуютно почему-то одному оставаться в их доме, вот и решил тут скоротать время.

Эльвира поинтересовалась у него: «Видно праздник церковный какой?»

«Да не-ет, – с улыбкой ответил Валерий, – они как два года уже в церковь повадились, сразу набожные все стали, как похоронили мужа у сестры Нины Алексеевны, который вдруг умер от рака. Мне тут Инна по секрету рассказала, что её бабушка находится в таком состоянии, что вот-вот помрёт, и родственники надеются, что в это время дар ведуньи может перейти к кому ни будь из них. Они думают, что получив этот дар, смогут оградить себя от несчастий, которые начали преследовать их. Ведь они как ни стараются, так и не могут вытащить сына с тестем из запоя, и у бабушки из-за частичной потери памяти наговоры не получаются, отсюда и молятся».

«Да уж, – думает про себя Эльвира, – видно грехов ни мало на душе накопилось, коли судьба повернулась к ним задом...»

Пока она доставала очередную стряпню Валерий примостился калачиком на диване, где сразу же заснул праведным сном.

Накануне выходных Эльвира вплоть до полуночи возилась с вишней, надеясь на следующий день выспаться досыта, но Зиновий сам проснулся ни свет, ни заря с головной болью и ей не дал выспаться, уронив на кухне коробку с лекарством. Успокоив боль, он вновь плюхнулся на кровать и уснул как убитый, а для неё прерванный сон среди белого дня обернулся высоким давлением. Вечером, проводив мужа в ночную смену, Эльвира, не выдержав усталости, легла спать раньше обычного, хоть солнце ещё ладом не скрылось за горизонтом. Чувствуя, как на мягкой постели расслабляется мышечная боль во всём теле, Эльвира, окутанная дремотой, непроизвольно смежила тяжёлые веки. Видит явно как в открытую дверь спальни вошла мать Нины Алексеевны, которая, сняв с себя тесёмочку с нательным крестиком, настырно пыталась тут же его одеть ей на шею. Она будто с силой оттолкнула от себя эту незваную гостью, и та с болезненным стоном словно испарилась из её комнаты.

3

От саднящей боли в руке Эльвира повернулась на другой бок, но, сколько не лежала, заснуть больше не смогла. Взглянув на светящийся циферблат будильника, на котором стрелки показывали половину первого ночи, подумала: «Надо же присниться такому, теперь не уснуть до утра, хорошо, что рано светает». Она протянула руку за халатом, который лежал на стуле, и её словно током ударило... Оттуда на неё смотрел всё тот же чёрный кот. Эльвира с матерком схватила с полу тапок, собираясь запустить в него, но там уже никого не было. Жуткий страх загнал её снова под одеяло, где, укрывшись по самые глаза, она пыталась согреться от проби-

равшего до самого сердца холодного озноба, но, сколь бы не куталась, тепла не добавилось, и она, едва дождавшись рассвета, была уже на ногах.

С самого утра Эльвире было как-то не по себе, у неё не проходило состояние внутренней спешки, всё валилось из рук, и на ворчание мужа, который только что приехал с ночной смены, она тотчас выплеснула эмоции в виде потока слёз.

Зиновий, молча переодевшись, прошествовал мимо неё на кухню и, дождавшись, когда жена успокоится, сказал: «Когда я шёл с поезда, встретился мне с поллитровкой в руках выпивший Анатолий, от него узнал, что мать Нины Алексеевны умерла сегодняшней ночью, послезавтра состоятся похороны, проводить бы её нужно».

«Иди один, – отпарировала ему с обидой Эльвира, – я не пойду туда, нас там и за людей-то не считают, вспомни похороны своей матери, про них они даже слушать не хотели, когда затевали свадьбу, да и сейчас при встрече нос в сторону воротят». Она вдруг вспомнила о странном сне накануне смерти матери Нины Алексеевны, может он вещий какой для их семьи..., но делиться своими мыслями об этом с мужем не стала, она не любила лишние пересуды в семье.

На эти похороны они так и не сходили. Эльвира не только из-за суеверия, но и предвзятого отношения к ним, семьи Нины Алексеевны, а у Зиновия как раз была дневная смена. Поздним вечером к ним зашёл изрядно поддатый Валерий и, наговорив спьяну кучу дерзостей из-за того, что не пришли попрощаться с умершей, отправился восвояси...

– Так бы о своей бабушке пёкса, – с укором пробурчала Эльвира вслед уходящему сыну – в своё время он даже думать не хотел, как тяжело было его родителям стоять перед выбором – ехать на её похороны или справлять ему свадьбу!

– Да ладно тебе ворчать-то, – одёрнул её Зиновий – что было то прошло, нечего ворошить старые обиды, а на похороны всё же сходить надо было, не переломилась бы.

– Как же, старые обиды, – зацепилась за слова Эльвира, – разуй глаза-то свои на сына, кем он стал теперь, люди на что угодно идут лишь бы задницу свою очистить, как ты этого не понимаешь, он из-за этого пьянства проклятущего становится злым, того и гляди что эта злость ему на голову бедой выплеснется.

– И то верно, – подытожил Зиновий, стараясь закруглить разговор на эту тему, но, видя, как всё больше распаляется его жена, вышел во двор.

– Вот и дождалась я, что по душам поговорить-то не с кем стало, стоит только заикнуться о проблемах, так сразу на улицу... Вот возьму да наплюну на всех, о себе больше думать стану! – возмущалась Эльвира, domывая посуду под краном.

Ночью, ворочаясь с боку набок в постели от бессонницы, вновь думала о сыне, которого ноги будто сами несли от жены и дочери к гаражу Нины Алексеевны, где Анатолий с любителями выпить на дармовщинку однокашниками глушили не то самогон, не то палёную водку до отупения. Нина Алексеевна в сердцах разгоняла эту пьяную компанию, да что толку-то, проходил день-другой, и всё начиналось сначала. Про всё это Эльвира узнавала через «добрых» соседей, которых было не понять, кому они больше злорадствовали.

Гусевы, несмотря на натянутые отношения с Ниной Алексеевной, Инну полюбили как свою родную дочь, и им было не всё равно, что их сын, у которого малый ребёнок, ведёт себя по-свински, от чего брачные узы могут стать на грани разрыва, как изначально им пророчили родственники. Валерий за эти годы сильно изменился, из покладистого и добродушного парня превратился в человека, которому попробуй только скажи поперёк слово, не рад будешь. Эльвира с мужем, не ведая кто прав, кто виноват в их семье, уже не сына жалели, а сноху Инну, но вмешиваться в их семейные дела не решались, думая, что время расставит всё на свои места без их помощи, вскоре так оно и случилось.

Между Валерием и тёщей произошёл серьёзный скандал, та, не спрашивая мнения дочери, попросту выдворила его, грозясь заявить куда следует за то, что обижает её дочь. Он

признаёт свою вину перед женой и то, что Нина Алексеевна, если задумала его выжить, ни мытьём, ни катаньем всё равно выживет. При её родственных связях ему трудно будет что-либо доказать в свою защиту. Валерию ничего не оставалось, как вернуться в родительский дом вместе со своими пожитками.

Матери с отцом он рассказал, что все эти годы зачинщицей скандалов обычно являлась Нина Алексеевна. Он, конечно, виноват в том, что пьёт, но бросить никак не получается, словно кто силком принуждает его к алкоголю, отчего сам себе уже не рад становится.

– Я вот сегодня утром только вернулся с ночной смены, – продолжает рассказывать Валерий, – даже толком переодеться-то не успел, как в дом заскакивает тёща, и со всего маху хлесть меня по лицу, ну я её схватил в охапку и вынес за ворота. Она там на всю улицу орала обвиняя меня в том, что от меня никакого толку нет в семье, что спаиваю её Анатолия, когда на самом деле всё было наоборот. Собираю свои пожитки, и что вы думаете, жена молчит, как в рот воды набрала, ну, думаю, значит, она заодно с матерью. Уеду я отсюда подальше, чтоб излишне глаза не мозолить всем.

Эльвира осторожно поинтересовалась у него, а дар-то ведуньи от матери Нины Алексеевны передался хоть кому-нибудь?

– Как же, держи карман шире, – с иронией проговорил Валерий, – Они как одержимые, с молитвой травы собирают, наговоры всевозможные шепчут на воду, как мать Нины Алексеевны раньше делала, в церковь ходят. Вот только неясно какому Богу там они молятся, а проку никакого, тесть с сыночком как пили, так и пьют до сих пор, только я тут совсем не причём.

4

Бежали дни за днями, а разговора о том, чтобы Инна с Валерием помирились даже в помине не было. Он тёрся второй месяц возле дома Нины Алексеевны, надеясь, что отношения между ним и женой ещё наладятся, пока пьяный Анатолий не выболтал ему, что тёща за это время не только выписала его из домовой книги, но ещё Инну заставила подать заявление на развод. И та сделала так, как велела ей мать. Валерия, словно кипятком ошпарила весть, что ему по-настоящему пинок под зад дали, но он сделал вид, будто ему не жарко и не холодно, поэтому не ушёл сразу, а составил компанию Анатолию напоследок. Слушая пьяную болтовню шурина, Валерий понял, что Нину Алексеевну теперь одно волновало, его прописка в паспорте, которая всё ещё оставалась прежней.

На другой день, переговорив с кем-то по телефону, Валерий торопливо сложил в дорожную сумку смену белья и, ни сказав ни слова родителям, уехал в город. Лишь только на следующий день поздним вечером позвонил оттуда, сообщив им, что теперь будет жить на съёмной квартире с напарником по работе. «Ну и Бог с ним, – подумалось Эльвире про него, – не слюбилось, не срослось, с кем в жизни не бывает. Не ребёнок уже, сам о себе позаботится, а у меня и без него хлопот по горло». В связи с перестройкой, боязнь оказаться безработными из-за детей, заставила дочерей старшую и младшую привезти к ней этим летом внучат – Ксюшу, которой идти в четвёртый класс, и Светлану, которой осенью исполнится семь лет, ровно столь же, как дочери их сына.

А Валерий после того как переехал жить в город, словно забыл дорогу домой. Конверты судебных исков, адресованные ему, шлют и шлют на адрес его жены, которые она бросала украдкой в почтовый ящик к Гусевым. До Эльвиры это потом дошло, когда однажды выйдя за ворота с детьми, нечаянно увидела Инну с Олесей возле калитки своего двора. После неловкой заминки Инна сказала Эльвире с некой угрозой: «Я на вашего сына в суд подала и, если он забудет платить мне алименты, мы его посадим, вот, передайте ему этот конверт, он от судебного пристава».

Беря этот конверт в руки, Эльвира ответила ей: «Ну так посадите, коль виновен, может там он скорее пить-то бросит, а то денег не только на алименты, а одежду и еду ему не хватает, все сколь ни есть начисто пропивает». Инна в этот миг не нашла, что ответить Эльвире и, взяв

за руку Олесю, которая уже успела познакомиться с двумя её двоюродными сестрами, зашагала своей дорогой. Гусева, провожая их взглядом до поворота, в который раз очень сожалела, что её сын таки не смог одолеть тягу к спиртному, в результате чего потерял свою семью.

После того разговора письма, предназначенные сыну, перестали появляться в их почтовом ящике. Эльвира истолковывая это по-своему, думала: «Значит, алименты наш Валерий платит регулярно, пусть он и пьяница, да совесть свою не растерял», – но ненароком встречаясь с Инной, замечала в её взгляде немой укор, от которого на душе, словно кошки скребли, будто в чём-то она виноватая. Эльвире вдруг подумалось, неужели этот развод внесёт холодность в дружеские отношения со снохой и станет камнем преткновения для общения с родной внучкой, но Эльвира в своих прогнозах глубоко ошибалась. Олеся наоборот стала частой гостьей у них, потому как этой осенью пошла в первый класс, и, когда заканчивались занятия в школе, Ксюша со Светланой приводили Олесю с собою, так как Нина Алексеевна и Инна в это время находились на работе. Под присмотром Эльвиры внучки вместе делали уроки, играли в прятки, пока не приходила с работы Инна и не уводила силком хныкающую Олесю.

Не прошло и года после развода, как сын сообщил родителям, что нашёл себе подругу хантыйку, с которой уехал из города в глубинку к её родным, а куда не сказал. После этого стал для всех недоступен, так как последующие звонки от него шли с неопределённого номера мобильного телефона.

Зиновий долго не мог успокоиться, восклицая: «Вот дурак, просрать такую работу в наше время и рвануть к чёрту на кулички за какой-то ба-а-бой, это ж самое гиблое дело!»

Эльвира, вопреки мужу, рассудила поступок Валерия иначе, что не из-за любви к той бабе он словно в омут с головой кинулся в неизвестность. Такое скоропалительное знакомство было не что иное, как трусливое бегство от алиментов, которые Инна возможно ни разу от него не получала. Хотя Эльвира заметила, что при разговоре о сыне в её присутствии, сноха вела себя с каким-то напускным равнодушием, будто её совсем не интересовали денежные переводы от Валерия, как и его жизнь. Не одобряя поступок своего сына, Эльвира всё-таки решила не обсуждать эту тему со снохой до тех пор, пока не возникнет надобность в этом, так как неловко было оправдываться перед ней, что теперь они не знают нового адреса Валерия. А причина поведения снохи, «будто ей всё равно», была известна Эльвире. Живя в сельской местности всё тайное, становится явным, людям палец в рот не клади, лишь бы кости другим перемыть. Тем более рядом живут такие «заботливые» соседки как у них, которые, будто с доброты своей душевной, нашептали ей про то, что Инна, посещая местное кафе, зря времени не теряла. Только Гусевы не осуждали сноху за это, говоря промеж собой – «дело молодое, не куковать же ей одной, коль судьба не сложилась». Они лишь были благодарны ей за то, что вопреки всему она не оградила от них родную внучку Олесю, которая всё чаще стала оставаться с ночёвкой у них дома. Эльвира с первой же ночи поняла, что Олеся сильно боится наступающей темноты. Когда тушили свет в доме, внучка торопливо ложилась не в детской комнате вместе с Ксюшей и Светланой, а к ней в кровать и, покрываясь холодным потом, ухидила с головой под одеяло. Эльвира, с трудом вытаскивая её оттуда, прижимала к себе, и та, чувствуя себя защищённой от неведомого страха, засыпала.

5

– «Ур-а-а-а-а, бабушка блины печёт, вставайте скорее, сони-засони! Забыли, что сегодня масленица?» – тормошила Ксюша Светлану с Олесей, стягивая с них ватное одеяло. Вскоре все дружно зашлёпали босыми ножками на кухню. Усадив их за стол, Эльвира с умилением наблюдала, как они с аппетитом уминают кружевные блинчики со сметаной. Ей вдруг вспомнилось своё детство – испечённые матерью в русской печи оладьи из дрожжевого теста, их вкус она до сих пор не забыла, но её дальнейшие воспоминания прервал Зиновий, приехавший с ночной смены. Вновь зашипела сковородка на газу, где через несколько минут перед мужем выросла горка горячих блинчиков. После завтрака он не лёг спать, как обычно, а, жалуясь Эль-

вире на недомогание, что у него всю ночь с чего-то нетерпимо ломило кости, пошёл топить себе баню, в которой берёзовым веничком не раз восстанавливал своё здоровье.

Дети, боясь шуметь в присутствии Зиновия, вначале возились с куклами, но как только увидели, что их дедушка вышел во двор, так с радости сразу же стали играть в свои любимые прятки. Хотя в избе и прятаться-то негде было, но это им не помешало. Эльвира, домывая посуду под краном, вдруг обратила внимание на подошедшую Олесю, которая сначала как-то странно оглянулась назад, а затем полушёпотом сказала ей: «Бабушка, а под вашей кроватью чёрный кот сидит, я хотела прогнать его оттуда, чтобы спрятаться под ней от Ксюши, но он устался на меня такими злыми глазами, что я испугалась. А вдруг он меня всю исцарапает, вот пойдёмте скорее туда, сами увидите какой он сердитый».

Эльвира сразу поняла о чём идёт речь, и ей стало не по себе. Вооружившись веником, она вошла в свою комнату, но там этого кота не оказалось. Зная про ночные страхи Олеси, Эльвира для убедительности обошла с ней все комнаты, говоря: «Не бойся, вот видишь, никаких злых котов у нас нет, это тебе показалось». «Не-е-ет бабушка, – так же полушёпотом сказала Олеся, – мне ничуть не показалось, этот кот под вашей кроватью бы-ыл...» – и убежала вслед за Ксюшей и Светланой. В дальнейшем она ни разу больше не напоминала ей про эту историю с котом.

Эльвира подумала: «Это хорошо, что у малых детей всё негативное быстро улечивается из головы», – а вот у неё с неких пор не проходит суеверная жуть из-за странного появления чёрного кота в их доме, сегодняшний случай окончательно подтолкнул её поверить в мистику.

Задумавшись о наваждениях, Эльвира вздрогнула от неожиданности, услышав, как муж со стуком хлопывает валенки в сенцах.

«Вот тебе и проводы зимы, ядрёна вошь, – прямо с порога заявил Зиновий, растирая покрасневшие руки от холода, – знать не зря мои старые кости ломило накануне, глянь сама, какая непогода разыгралась, а меня, словно чёрт дёрнул, сегодня эту баню истопить».

Эльвира отвела в сторону гипюровую штору и, глядя, как ветер колошматит из стороны в сторону куст рябиновый под окошком, шутливо сказала: «Ну, так, значит, мой поход с детьми на празднование масленицы отменяется по уважительной причине». Едва она успела отойти от окна, как Зиновий уже кричит ей: «Иди вон дверь отворяй скорее, Инна к нам идёт».

Впустив сноху в дом, Эльвира с радушием пригласила её к столу отведать горячих блинчиков с чаем, но та, объясняя Гусевым, что их ждут в машине родственники, дабы успеть до обеда съездить в церковь, быстро одела подошедшую к ней Олесю. Провожая их взглядом за калитку, Эльвире невольно подумалось о чрезмерном пристрастии семьи Нины Алексеевны к церкви, ибо сама она считала, что настоящая вера в Господа живёт в душе человеческой, независимо от того ходишь ты в церковь или нет. А метель, будто вдогонку за ними, набирая силу, завертела снежные карусели, хлеща мокрые хлопья снега в окна, которые тут же ручейком сползали с оконного стекла на карниз, образуя сосульки. Дети, прислушиваясь к шуму ветра, присмирели возле бабушки на кухне, наблюдая за её руками, как она ловко орудует ножиком, нарезаая овощи для борща к ужину.

Пока Эльвира возилась у плиты, Зиновий, отвел свою душу берёзовым веничком в жаркой бане, и, придя домой разомлевший, сразу же плюхнулся в кровать. Теперь битые три часа, они слушают его храпение на разные голоса. Она, чувствуя, что боле у неё нервы не выдержат, тронув мужа за плечо, сказала ему: «Вставай уже, а то ночь-то куда девать будешь?» Он, взглянув на часы, нехотя поднялся с постели и, увидев во дворе почти под самую крышу хозяйственных построек сугробы, что намела вьюга, пока он спал, воскликнул: «Да ё-маё, когда мне этот снег чистить-то, не после бани же, а завтра на смену ехать с утра». И тут Ксюша ему говорит: «Дедушка, а давай мы пойдём и расчистим дорожку?» «Вас ещё там не хватало», – сердито ответил им Зиновий.

Но Эльвира, зная, как детям хочется повозиться в снегу, сказала мужу: «А что тут плохого? Раз им хочется, пусть попробуют, не надо с детства им руки отбивать, не то лентяйками

вырастут». Вручив Ксюше и Светлане по лопате, она стала наблюдать за ними из окна, только внучки, выйдя на улицу, не тропку гребли, а вырыли целый тоннель, аж до самой дороги и, довольные своей работой, точно снеговички, лазили в нём туда и обратно пока не стемнело. Эльвира почти силком затащила их в дом, а сама тут же взялась за лопату, а когда вернулась в избу, все уже крепко спали. Поправив на детях одеяло, она уставшая за день вскоре сама видела сны, только все они были тревожные чёрно-белые.

В этом сне как наяву Эльвире отчётливо слышится размеренный звук, идущий из кухни – «бу-льк-бу-льк-бу-льк». Это назойливое бульканье становилось всё громче и громче. Она будто встаёт с постели и идёт туда, где вместо кухни вдруг очутилась в незнакомой комнате. В округлое окно светила полная луна, от чего в помещении было достаточно светло, чтобы разглядеть обшарпанные от сырости стены, некогда крашенные в серый цвет, как в ржавой раковине стояла, кем-то забытая, фаянсовая кружка, в которую лениво капала вода из покрытого известковым налётом крана. За окном этой комнаты раскачивалось от ветра раскидистое дерево, оно будто цеплялось голыми ветвями в проплывающие низко над землёй лохмотья лиловых туч, и, словно под магией лунного света, проникающего через расколотое стекло оконной рамы вглубь комнаты, на противоположной стене отобразило соскользнувшую тень. В кою минуту Эльвира увидела рядом с собою больничную каталку, в которой лежало тленное тело женщины, обращённое чернотой подглазий в её сторону. С откинутой руки покойницы сползала змейкою тесёмочка с нательным крестиком, который вдруг упал к её ногам. Она с ужасом отступила назад, не спуская глаз с каталки, которая обратившись в нечто невесомое, юркнуло к окну, где на подоконнике покрытом плесенью сидел знакомый ей чёрный кот. Её пробуждение ранним утром было тяжёлым, Эльвире стало муторно на душе от того, что уже не впервые видит такие странные сны, в которых ей нужно зачем-то надеть на себя чужой нательный крестик.

6

Казусы жизни всё ниже и ниже пригибали Гусевых к земле, надежды на хорошее будущее для детей и внуков гасли как свечи, а после недавнего звонка от сына, Эльвира сама не своя стала, чувствуя некую обречённость в его словах.

Валерий ей рассказал, что с тех пор как уехал в глубинку словно проклятый в лесу батрачит, так как другой работы там не нашёл, а у этого предпринимателя, который набирает рабочую силу нелегально, зарплату годами не выдавишь и стажа не заработаешь. Он таким методом просто вынуждал своих рабочих выбирать свою зарплату товаром из своего же магазина, где всё втридорога в сравнении с другими магазинами в их посёлке. Живущие в вагончиках рабочие прекрасно понимали тактику предпринимателя, да деваться им некуда, ведь таким образом, отовариваясь, часть их зарплаты оседала в кармане хозяина, отчего люди сами того не замечали, как попадали к нему в кабалу, из которой, если некому помочь со стороны, человеку самому вряд ли выбраться.

Эльвира в тревоге за сына спросила его, не нужна ли ему самому какая-нибудь помощь. Немного замаявшись, он ей ответил: «Если честно сказать, то меня за эти два года работы в лесу, работодатель также по рукам и ногам опутал долгами, но я живу в посёлке, не в лесу, постараюсь сам из долгов вылезти, а после сразу же приеду повидаться с вами и дочерью, очень соскучился». – «Приезжай скорее, ждать будем! – сказала ему на прощание Эльвира, – Твоя дочь Олеся за эти годы сильно подросла, нынче в третий класс пойдёт, приедешь, так совсем её не узнаешь».

Её сильно обеспокоили долги Валерия, но Зиновию она не стала передавать весь разговор с сыном, сказала лишь то, что Валерий собирается приехать к ним в гости, как дадут отпуск, зная, что без скандала здесь не обойдётся, так как он с самого начала был против того, чтобы сын уезжал в эту глухомань.

Как бы ни было ей тяжело на душе, домашняя работа частично отвлекала её от насущных проблем. Сегодня, с утра пораньше, таяя картошку на своём огороде, который находится за околицей их дома, она вдруг услышала – «Здравствуйте!»

«Здравствуйте», – в ответ проговорила Эльвира, мельком взглянув на проходящую мимо её огорода Нину Алексеевну, которая несла трёхлитровую банку с молоком в старый бабушкин дом, где живёт её дочь Инна. «Что это на неё нашло поздороваться-то, не иначе как погода изменится», – с удивлением размышляла Эльвира, торопясь закончить работу на огороде до полудня. С этого времени и в дальнейшем у них как повелось при встрече здороваться.

Дни бежали своим чередом. Эта осень выдалась дождливой и ветреной, поэтому Эльвире пришлось уговаривать плачущую Ксюшу и Светлану на первое сентября обуть не туфли, а резиновые сапожки, чтобы они не промочили ноги. И хотя её внучки были единственные среди школьников в такой обуви, их праздничное настроение от этого не уменьшилось. А после того как ученики разошлись по своим классам, к Эльвире неожиданно подошла родственница Нины Алексеевны, которая тоже работает в школе и неловко улыбнувшись предложила: «Эльвира Сергеевна, а давайте снова сведём вместе Инну с вашим сыном, всё-таки у них ребёнок...»

Эльвира, чуть растерявшись, ответила ей: «Так вряд ли чего из этого получится, Валерий-то женился и уехал с ней к „чёрту на кулички“, даже адреса не оставил, а что произошло-то?»

– «Да так, ничего...» – ответила ей родственница Нины Алексеевны и ушла в учительскую.

Не получив ответа на свой вопрос, Эльвира тотчас заподозрила, что в личной жизни Инны пошло что-то не так, как хотелось бы её родителям. Ей теперь стало ясно, неспроста Нина Алексеевна с ней здороваться стала. Возможно, это по её просьбе, родственница взяла на себя миссию вернуть Валерия обратно в семью, несмотря на то, что он трезвым редко бывает, что Инна с ним счастливее не станет». Но на вид бывшая сноха совсем не выглядела удручённой, наоборот словно светилась вся изнутри. Эльвира, чувствуя сердцем некий подвох, засомневалась в искренности миссии той родственницы. Она знала, что, несмотря на хорошее взаимоотношение с Инной, семья Гусевых навсегда останется для неё ни близкими, и ни далёкими родственниками.

Теперь они с нетерпением ждали приезда к ним сына, который словно забыл про своё обещание звонить им чаще, уже четвёртый месяц от него ни слуху, ни духу, сам не звонит, и до него не дозвонишься, всё не в зоне действия. У Эльвиры от постоянной тревоги за Валерия всё чаще вонзалась боль за грудь.

Сегодня Зиновий проснулся ни свет, ни заря и, шаркая ногами, курсировал из спальни на кухню и обратно, собираясь на работу. Слыша, как он загремел чайником, Эльвире пришлось составить ему компанию,

– «Ты чего так рано с постели поднялся?»

– «Да сон нехороший привиделся. Будто сел я как обычно в пригородный поезд и сразу же поторопился занять свободное сидение, потому как в этот вагон народу полным-полно толпилось. Пока я рылся в сумке, чтоб достать проездной билет, ко мне подсели ещё три человека, и, когда я поднял на них глаза, удивлению моему не было конца, это были друзья моего детства – Лёнька Шарчев, Генка Краснощёков и Колька Вшивцев, которые давным-давно умерли. Лёнька от водки сгорел, Генка от рака желудка помер, а Колька под раздачу попал, ему прямо в челюсть выстрелили из ружья, когда проходил мимо соседского двора. И вот Лёнька достаёт из-под полы чёрного пиджака бутылку водки и, наполнив ею стаканы, один из них подаёт мне, со словами: «Выпьем, друзья, за то, что мы снова вместе». Я будто ему говорю: «Как вы здесь оказались? Мёртвые не возвращаются с того света». А Генка, глядя грустным взглядом в конец вагона, вдруг ответил мне: «Это правда, не возвращаются, это ты, Зиновий, сел не на тот поезд». «Как это не на тот?» – говорю я ему, глядя по сторонам, ища знакомые лица,

с которыми постоянно езжу на работу, и вдруг над головой слышу голос кондуктора: «Граждане пассажиры приготовьте свои билеты». Вижу, как рядом стоящие люди протянули контролёру какие-то бирки на тесёмочке, и она, прокомпостировав их, вернула им обратно, моим друзьям сделала то же самое. У меня такой бирки не было, и я протянул ей свой проездной билет. Она, взглянув на меня, строго сказала: «Безбилетник!» И по вагону, словно эхом прокатился ропот пассажиров: «Безбилетник, безбилетник, безбилетник...» Вдруг, люди, находящиеся в вагоне, стали подталкивать меня к выходу. Падая кувырком из этого вагона в чёрную пропасть, последнее что услышал: «Осторожно, двери закрываются, следующая остановка – «Чистилище».

7

Собирая Зиновия на пригородную электричку, которая приходит в полпятого утра, Эльвира сказала ему: «Если умершие друзья являются в твои сны, значит помянуть их больше некому, я вот немножечко в сумку твою карамелек положила, может, на работе с напарником чайку попьёте». Едва закрыла за мужем дверь на защёлку, как следом же в неё постучались. Думая, что это Зиновий из-за своей рассеянности зачем-то обратно вернулся, она торопливо распахнула дверь настежь, боясь, что он опоздает на поезд, но на крылечке никого не было, от этого ей стало не по себе. Её зачастую пугала привычка опрометчиво открывать двери, не спрашивая «Кто там?». В голове Эльвиры мелькнула мысль, опять пустые стуки в их дом. Для неё это было плохим знаком, означавшим потерю близких. Она не раз убеждалась на своём жизненном пути в правдивости народных примет. Почувствовав лёгкое головокружение от недосыпания, Эльвира взглянула на часы. Оставалось достаточно времени, чтобы выспаться до семи утра, и она, едва прикоснувшись к подушке, окунулась в розовые сны, где не шла, а будто плыла навстречу вольному ветру ромашковым полем, явно вдыхая в себя ароматы медового разнотравья, словно хотела им вдосталь насытиться. Но дребезжание будильника вернуло Эльвиру из чудесного сна в обыденность повседневных забот.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.